

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

УДК 93
ББК 63.3 (0) 4

П. Ю. Уваров

**Хартленд средневековья
(особенности исторической динамики
средневекового мира)**

Аннотация. В самом конце 2019 г. из печати вышло новое, исправленное и дополненное издание «Всемирной истории в 6 томах». В статье анализируется второй том этого издания, посвященный Средним векам. Синхронизация социально-экономических, политических и культурных процессов, происходивших в различных регионах Азии, Европы и Африки, позволяет усмотреть в многообразии региональных различий определенное единство средневековой Мир-Системы или же Ойкумены средневекового мира. По сравнению с аналогичными изданиями подобного типа данный проект отличается особым вниманием к проблемам сосуществования оседлых и кочевых народов, к путям формирования и развития средневековых государств, судьбам старых и новых империй, кочевых каганатов, халифатов, королевств и княжеств. «Европейское чудо», конечно, остается в центре внимания и получает новое объяснение. Политический плюрализм в сочетании с определенным культурным единством региона создал благоприятные условия для развития Запада. Важнейшие социальные и правовые институты возникли и окрепли здесь раньше того, как были созданы сильные государства. Взлет Европы произошел не вопреки, а благодаря феодализму. Феодализм был своеобразной роскошью, которую мало кто во всей Ойкумене мог себе позволить. Чтобы понять природу «европейского исключения», стоит взглянуть на него из Хартленда Евразии, где зарождались кочевые империи, вступавшие в неоднозначные отношения в оседлыми соседями.

Ключевые слова: Всемирная история, синхронизация исторических процессов, историческая динамика, средневековая Мир-система, историческая динамика, кочевые империи, Хартленд, феодализм, «Европейское чудо»

В самом конце 2019 г., 17 декабря, было подписано в печать научное издание «Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики») под редакцией академика Б. В. Базарова и чле-

на-корреспондента РАН Н. Н. Крадина¹. Незадолго перед этим, 31 октября, в печать была подписана книга «Мир в Средние века», представлявшая собой исправленное и дополненное издание второго тома «Всемирной истории в шести томах» под общей редакцией академика А. О. Чубарьяна².

Оба труда были отпечатаны в одной и той же московской типографии издательства «Наука» в Шубинском переулке. Оба стали «книгами трудной судьбы», поскольку их путь не то, что к читателям, но даже к авторам и редакторам был чрезвычайно затруднен мировой пандемией.

В обоих трудах большое участие принял один из редакторов настоящего издания Н. Н. Крадин, который взял на себя весь «кочевой блок» второго тома «Всемирки». На этом сходство не исчерпывается, что уже не столь очевидно. Ведь ответственность за оба издания второго (а заодно и третьего) тома была возложена на отдел истории Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН. Поэтому логично было бы ожидать, что предпочтение будет отдано материалу западноевропейского феодализма, Восток же, как Дальний, так и Ближний, займет место экзотической периферии, а кочевой мир будет описан сугубо негативно, разве что с вынужденным реверансом в сторону его роли «моста между цивилизациями».

Вышло совсем иначе. Но чтобы понять, насколько и почему иначе, надо сделать пространный экскурс в «историю вопроса». Когда А. О. Чубарьян, директор Института Всеобщей истории Российской академии наук, в самом конце 2006 г. объявил на Ученом совете, что мы будем издавать «Всемирную историю в шести томах», это не вызвало энтузиазма у присутствующих. Все привыкли считать, что большие коллективные труды давно канули в Лету, что всяк сам себе историк, а лучше – микроисторик. Неужели сейчас, в век гибели «больших нарративов», можно писать глобальную историю, да еще в форме истории-нарратива, с рассказом о событиях? Несколько успокоило умы резонное замечание начальства о том, что если Институт Всеобщей истории не может

¹ Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики/отв. ред. Б. В. Базаров, Н. И. Крадин; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2019.

² Всемирная история: В 6 т./гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2019. Т. 2: Мир в Средние века/отв. ред. П. Ю. Уваров. 2019.

и не хочет писать Всеобщую историю, то зачем такой институт вообще нужен? Но важнее было то, что в мировой историографии в ту пору уже намечался и витал в воздухе повышенный интерес ко всеобщим или глобальным историям. Достаточно было ознакомиться с анонсированной программой МКИН, который должен был состояться в Амстердаме в 2010 г¹.

Предыдущая «Всемирная история в десяти томах» издавалась в СССР в 1955–1965 гг. (позже были допечатаны еще три тома, посвященные современности)². На этот проект были брошены лучшие историки Советской империи. В условиях советской системы задание по «Всемирной истории» было обязательным для исполнения всеми академическими институтами и университетским центрами. Статьи проходили согласование на разных уровнях. В целом издание считалось триумфом марксистской концепции закономерной смены общественно-экономических формаций и их универсального характера. Темно-зеленые тома, изданные громадными по нашим сегодняшним меркам тиражами (от 100 до 135 тысяч экземпляров), до сих пор украшают все библиотеки – от самых крупных до районных.

Все это ушло в прошлое вместе с эпохой и страной. В постсоветское время историки иногда брались писать «Всемирные истории», но именно как индивидуальные начинания³, которые, как правило, не воспринимались профессиональным сообществом всерьез. Скорее всего – напрасно, но ничего не поделаешь.

О том, надо ли каждой эпохе писать свою «Всемирную историю», можно долго спорить, особенно теперь, когда есть безграничные ресурсы интернета, есть возможность скачать, например, «Кембриджскую средневековую историю» и т. д. Но время показало, что запрос на новые издания «Всемирных историй» чрезвычайно велик, причем именно их национальных версий⁴. Хотя тогда, зимой 2006–2007 годов, это было совсем не очевидно.

¹ См. Бибииков М. В. XXI международный конгресс исторических наук в Амстердаме // Новая и Новейшая история. 2011. № 1. С. 115–120.

² Всемирная история: в 10 т./гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Гос. изд. полит. лит-ры – Мысль, 1955–1965.

³ Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература, 1994; Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 1–3. М.: МФТИ, 1997–2003; Вильчек В. М. Алгоритмы истории. М., Аллегро пресс, 2004; Васильев Л. С. Всеобщая история в 6 томах. М.: КДУ, 2012–2013 (есть более ранние издания); Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008.

⁴ Применительно к средневековому периоду см. например: Histoire du monde au XVe siècle/dir. P. Boucheron. Paris: Fayard, 2009; The Global Middle Ages/eds. Catherine Holmes

Наше начинание разительно отличалось от советского гиганта. Прежде всего – отсутствием ресурсов: административных, материальных, идеологических. Никого из исследователей нельзя было обязать участвовать в этом проекте. Финансирование было весьма скромным. К тому же в идеологии, в методологии и даже в деонтологии профессии царил ситуация полной неопределенности. Это было неплохо для индивидуального творчества, обеспечивая ему большую степень свободы, но, мягко говоря, затрудняло работу над коллективными проектами. Во всяком случае, никакой единой концепции издания всех томов не было, да и после она так и не появилась.

Спецификой нашего института (ИВИ РАН) в ту пору было обилие медиевистов-западников. Никакого функционального объяснения этому нет, так сложилось исторически. Кроме нашего отдела «Западноевропейского Средневековья и Раннего Нового времени» существовало еще полдюжины структур, в которых работали медиевисты. Это не говоря о тех, кто работал в МГУ, РГГУ, многочисленных педвузах и других академических институтах. Многие сами предлагали свои услуги: один хотел написать про Кастилию, другой про Прованс, третий про графство Гелдерн. Но только про это и не про что иное. Появился и у меня готовый текст про средневековый город. Хороший текст. Но он занимал свыше 10% объема, выделенного на весь наш том, и, разумеется, никакого иного материала, кроме Западной Европы, в нем не было. Все эти предложения приходилось отклонять, обостряя отношения с коллегами. От европоцентризма надо было отказываться не по идеологическим соображениям, но по практическим: иначе нельзя было показать весь мир в его единстве и синхронном развитии.

С востоковедами трудности были иные. В советское время они часто вступали в диалог с историками, занимавшимися Западом. Поскольку марксистская теория исторического развития, несмотря на все идеологические реверансы, оставалась европоцентричной, то востоковедам и африканистам в спорах с коллегами, изучавшими Европу, приходилось либо отстаивать право на свою специфику, или же осмеливаться корректировать формационную схему, говоря об «азиатском способе производства». Теперь такой необходимости не было, но и интерес к диалогу пропал¹. По тем или иным причинам востоковеды по большей

& Naomi Standen, *Past & Present*, Supplement 13: 2018.

¹ Приятное исключение составляли лишь Л. Б. Алвев и С. Л. Рябинин.

части отказывались от участия в нашем томе. Китаисты, например, ссылались на свою занятость в издании 10-томной истории Китая, работа над которой развернулась как раз в эти годы¹. Кто-то предполагал, что план, предложенный отделом Западного Средневековья, будет заведомо дискриминационным в отношении Востока. Те тексты, которые все же удавалось получить у востоковедов, зачастую оказывались слишком уж специфичными по стилю и никак не сочетались с нашим томом. И тогда приходилось самим переписывать эти разделы. Но это, конечном счете, имело свои плюсы ...

Проблемы всплыли позже. Главной трудностью поначалу было отсутствие общего сценария нашего тома. В советской «Всемирке» такой сценарий был: становление, триумфальное шествие и последующее разложение феодальной общественно-экономической формации от Японии и Вьетнама до Ирландии и Португалии. Теперь же понятие «формация» утратило очевидность, а термином «феодализм» если и продолжали по инерции пользоваться, то понимали под ним заведомо разные вещи.

Нашим сценарием стал сам принцип синхронизации. Сейчас уже трудно сказать, в какой именно мере на нас повлияла известная книга И. В. Можейко про 1185 год². Вроде бы и прежняя «Всемирка», как и любое подобное издание, делилась на соответствующие «сквозные» хронологические разделы. Но в книге талантливого востоковеда (а по совместительству и прекрасного писателя-фантаста) главным было показать связанность мира, синхронность протекания процессов, причем без особого упрощения. Он давал рассказ о событиях, при необходимости отступая на полвека назад или забегая вперед по отношению к стержневой дате, соединял характеристику уровня развития общества с демонстрацией его культурной самобытности и своеобразия через знакомство с некоторыми шедеврами культуры. При этом он не сортировал материал по отдельным «ящикам комода» (политика, экономика, социальные отношения, культура), а каким-то образом добивался увлекательного синтеза в своем повествовании. Конечно, в коллективном труде достичь такого эффекта было невозможно, но сам принцип синхронизации привлекал не только как форма организации материала, но как средство познания.

¹ История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т./Гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука – Вост. лит., 2013–2018.

² Можейко И. В. 1185 (Восток – Запад). М.: Наука, 1988.

Итак, нашей целью было дать хронологические срезы, позволявшие охватить все регионы, находившиеся во взаимодействии в данный отрезок времени. Ради этого и стоило писать наши тексты, поневоле слишком краткие, но ведь во всем богатстве цивилизационной специфики регионов можно теперь с легкостью убедиться при помощи интернета.

Ключевой вопрос заключался в том, обладает ли период «мирового Средневековья» каким-то онтологическим содержанием или же является искусственным делением, проекцией западной хронологии на большую часть мира? Для этого надо было уловить своеобразие Средневековья по отношению к другим периодам. Качественное отличие Средних веков от Новой истории вполне очевидно, причем для всего мира, а не только для Европы. Но что отличало Средневековье от предшествующего периода? Советская «Всемирка» настаивала на отличии «рабовладельческой» формации от формации «феодальной», но применение этого критерия сегодня малопродуктивно. Если среди медиевистов еще можно найти тех, кто говорит о феодализме, то среди антиковедов поборников рабовладельческой формации мне встречать давно не приходилось.

При сравнении периода Древности и Средневековья в масштабах всего Старого света бросается в глаза качественно новая роль «мировых религий» (или «квази-религий», если говорить, например, о конфуцианстве). За исключением ислама, они возникли задолго до общепринятой даты начала Средневековья, но их последующее распространение придавало отдельным регионам гораздо большую связанность, чем прежде, открывая новые возможности для взаимодействия на глобальном уровне. Но эта особенность средневекового периода никак не является новостью для историков. А вот такая черта, как исключительно высокая роль кочевников в Средние века и, в особенности, роль «кочевых империй», если и отмечается во «Всеобщих историях», то лишь как внешний (чаще всего – негативный) фактор по отношению к главным действующим лицам – великим цивилизациям оседлых земледельцев. А ведь кочевые империи вполне можно считать «визитной карточкой» средневекового периода. Их исчезновение (скажем мягче, исчезновение в качестве межрегионального фактора) совпадает с началом Нового времени. Но служит ли их возникновение маркером начала Средневековья?

Античные цивилизации лишь в самом конце своего существования столкнулись с чем-то подобным кочевым империям. В упомянутой новой книге, посвященной кочевым империям Евразии, говорится и о скифах, и о сарматах, но делается вывод о том, что империй они не создали, да и процесс складывания у них политий не продвинулся дальше уровня сложного вожества. Даже и без достижений политической антропологии видно, что эти ираноязычные номады не стали для соседских крупных государств угрозой, требовавшей мобилизации всех ресурсов, и сами не образовывали относительно устойчивых объединений, далеко выходящих за привычный ареал обитания. И только хунну заявили о себе настолько громко, что вынудили молодую империю Цинь приступить к возведению Великой стены. С этой поры дуализм империи кочевой и империи оседлой будет приводить в движение этнополитические качели Евразии. На «вызов» кочевников ответом станет укрепление оседлых империй, на что, в свою очередь, номады порой будут отвечать созданием «теневых империй» по терминологии Бартфилда¹. Круги от этой пульсации, зарождавшейся в недрах Хартленда, будут расходиться все шире по всей Ойкумене средневекового мира. Кочевые империи сменяли друг друга, трансформировался и способ их взаимодействия с оседлыми соседями – от «дистанционной» эксплуатации и торгово-данических отношений до завоевания и различных форм симбиоза с покоренным населением. Главное, что степной пояс Евразии становится осью, вокруг которой вращается колесо истории средневековой Евразии.

Для понимания работы этого механизма мало указать на климатические изменения (увлажнение или усыхание степи), надо понять одновременную хрупкость и высокую производительность кочевого хозяйства, особенности социально-политических связей и природу поражающей современников боеспособности номадов. Соотношение внутренних и внешних факторов социального развития, некогда трактовавшихся теоретиками от истории в категориях необходимости и случайности, готово было поменяться местами по мере изменения угла зрения исследователя. Только доступ к внешним ресурсам создавал у кочевников условия для политогенеза. У их оседлых соседей кочевой вызов определял формы политической эволюции.

¹ Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.). СПб.: Нестор-история, 2009.

Не только в Евразии соседство с воинственными номадами степных и аридных зон формировало ритмы существования оседлых народов. Влияние кочевого фактора на жителей Магриба и Леванта обычно иллюстрируется пассажами из Ибн-Хальдуна¹, ставшего столь популярным у политических антропологов и макросоциологов. Он описывает, как номады или горцы, наделенные высокой воинской сплоченностью «ассабией», завоевывают страны, в которых элита, привыкшая к роскоши, была занята междоусобной борьбой за раздел доходов, поступающих с все более обедневшего населения. Воинственные пришельцы без труда завоевывают ослабленную страну, сметая старую элиту и облегчая участь народа. Однако постепенно завоеватели утрачивают свою воинскую доблесть, и через три поколения они сами становятся добычей более воинственного племени. Ибн-Хальдун, конечно, знал об успехах тюрок и монголов, но в первую очередь опирался на пример арабо-бедуинских завоевателей: хилалитов, альморавидов, альмохадов, волнами накатывавших на Магриб и Аль-Андалус.

Иногда «циклы Ибн-Хальдуна» распространяют и на всю Евразию. Отчасти это справедливо, поскольку государства (политии), основанные кочевниками на завоеванных территориях, развивались по этой схеме. Недаром существовала китайская поговорка: «Счастье варваров редко длится более ста лет». Но была и существенная разница. Кочевники Аравийской пустыни и Сахары не основывали империй. То ли потому, что не позволяли природные условия, то ли потому, что средством эффективной надплеменной консолидации вместо имперской политической системы успешно служили разные течения ислама, то ли средневековым бедуинам и берберам не требовалось создавать свои «теневые империи» за неимением достойного противника в виде империи «настоящей». Во всяком случае, Ибн-Хальдун не рассматривал вариант, при котором на вызов кочевников оседлые жители находили достойный имперский ответ.

Евразийские империи нуждались в ресурсах: нужно было строить укрепления, содержать сильную армию, предпринимать эффективные, но затратные дипломатические усилия. Империям важно было сохранить свободное крестьянство в качестве основ-

¹ Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима)/Составление, перевод с арабского и примечания А. В. Смирнова // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008. С. 187–217.

ного налогоплательщика и резервуара для пополнения войска. Надо было следить за регулярным сбором налогов, составлять кадастры, препятствовать закабалению крестьян крупными земледельцами. Для всего этого требовалась сильная бюрократия, порождавшая особую политическую культуру. Старые империи, чья традиция уходила в далекое прошлое, – Китай, Византия, Иран¹ – демонстрировали на удивление много общего в своем развитии. Они сохраняли и развивали высочайшую культуру, помогавшую возродить страну после упадка или даже временной утраты независимости.

Принцип синхронизации позволял обнаружить удивительные совпадения. Приведу лишь два примера. Так, система *фубин* и военные округа *цзеду* возникают в империи Тан синхронно с *фемами* и поселениями *стратиотов* в Византии. В одном случае эти меры помогли обезопасить границы от наследников Тюркского каганата и перейти в наступление, в другом – остановить натиск арабов и отвоевать часть утраченных территорий. Еще одной общей чертой была важная роль евнухов. В условиях, когда аристократы и чиновники претендовали на соучастие в управлении, императорам нужны были абсолютно преданные и при этом достаточно эффективные исполнители. Евнухам, вырванным из своей среды, не имеющим семей и презираемым придворными и чиновниками, доверяли даже самые мнительные правители. Любопытно, что на них пытались опереться не только полигамные монархи, чьи гаремы немислимы были без евнухов (китайские императоры, шахи, ханы, султаны), но даже моногамные византийские базилиевсы. Пока власть находилась в сильных руках, кастраты были лишь тенью правителя, исполняя его волю, но когда власть слабела, их роль многократно возрастала.

У «имперского чуда» была своя цена. Империя слишком дорого обходилась населению, что было чревато мощными народными восстаниями, она постоянно вела войны и не была гарантирована от военных неудач и вторжений неприятеля. В случае своего максимального успеха, когда непосредственная угроза ее существованию казалась ликвидированной, империя могла приостановить

¹ Речь идет, прежде всего, о Сасанидском Иране. Однако и после арабского завоевания, и после завоеваний сельджукских, монгольских, и прочих иранская самобытность постоянно восстанавливалась. В этом заслуга местной бюрократической традиции, быстро восстанавливающей персидское делопроизводство и литературно-историческую традицию, приспосабливаясь ко все новым завоевателям, пока, наконец, Иранская империя не возродится в Сефевидский период.

развитие с целью «заморозить» общество, сохраняя стабильность. Обрубать ненужные ветви, чтобы лучше рос ствол, (угнетать корни, чтобы лучше рос стебель) – эта китайская политическая максима предписывала отказываться от всего, что казалось «ненужным». Китай в XV веке отказывается от экспедиций в Индийский океан, вводит запреты на морские путешествия. Уже в другую эпоху сёгуны Токугава, после того, как империи в эпоху Эдо перестали угрожать внутренние и внешние войны, запрещают производство знаменитого японского огнестрельного оружия.

Однако каким бы тяжким ни было бремя империи, отсутствие имперской традиции или отказ от нее оборачивались более тяжелыми последствиями при контактах с номадами. Некоторые из стран, лишенных сильной центральной власти, превратились в пустыню, другие напрямую управлялись завоевателями, третьи эксплуатировались дистанционно – как, например, русские земли в составе улуса Джучи. Часто кочевники, проникая в страну, занимали в ней место военной элиты. В странах Ближнего, да и Среднего Востока военная элита была в целом тюркоязычной, а основное население и уцелевшая часть старой элиты говорили на арабском, фарси и других языках.

Важно, что взаимодействие с кочевым миром и его традициями не было делом лишь стран, непосредственно окаймлявших «Великую степь» или Сахару. Импульсы, порождаемые взаимодействием кочевой и оседлой культур, распространялись на все новые территории. Одни страны стремились подражать имперской бюрократической модели (Япония, Аннам, Корея, но также Болгария и Сербия), другие попадали под управление носителей кочевого воинского искусства – наемников и гулямов, захвативших власть (Делийский султанат, мамлюкский Египет). Наследие кочевых традиций могло быть большим или меньшим: держава Тимура ни в коей мере не была кочевой империей, но для современников и для себя самого он был наследником монгольской славы. Некоторые государства, сложившиеся либо как наследники, либо как наследные противники номадов, усваивали военные и политические традиции, выкованные в горниле взаимодействий кочевых и оседлых империй. Достаточно убедительными примерами могут служить Османская империя и Русское государство Московского периода.

Таким образом, регионы соприкосновения кочевого мира с оседлым были центрами, от которых расходились «сейсмические

волны». Но, разумеется, они не достигали в равной мере всех регионов Старого света. Были зоны, в силу своего географического положения защищенные или хотя бы на какое-то время защищенные¹ от импульсов, исходящих из Хартленда: Япония, до поры до времени, Юго-Восточная Азия (в особенности – островная ее часть), Южная Индия, африканское побережье Индийского океана, не говоря уже об Африке южнее Сахары. И, конечно же, к числу таких регионов относится Западная Европа.

Отдельным племенам номадов удавалось, перевалив через Карпаты, обосноваться на берегах Дуная, но речь не шла о кочевых империях. Включившись в европейский плавильный котел, они отказывались от номадических традиций. Немаловажно, что авары, болгары и даже венгры появлялись здесь еще до того, как западная Европа окончательно обрела свою историческую самобытность. Трудно отрицать, что географический фактор в судьбах Европы чрезвычайно важен, но нельзя забывать и об ее феноменальном везении. Пройдя как нож сквозь масло по Центральной Европе, круша по пути польские, немецкие, чешские и венгерские воинства, войска Бату-хана и Субэдэй-баатура вышли к Адриатике. А затем ушли в Степь, узнав о смерти Угэдея. Проживи третий сын Чингисхана подольше, Западная Европа могла бы стать улусом с ярлыком на княжение, выданным какому-нибудь Людовику Святому. Но «Христианский мир» вполне мог бы, объединившись хотя бы под эгидой того же Людовика, противостоять утомленному монгольскому войску, как смогли это сделать мамлюки в Сирии. Только это была бы уже совсем другая, имперская Европа.

Есть привычный и нескончаемый набор объяснений успеха Запада, увенчавшегося тем, что иногда называют «Великой дивергенцией», «взлетом» (*take off*) Запада: открытость морю, благоприятный климат, богатая античная традиция, сильные города, особая роль права. Сюда же можно отнести набор причин и предпосылок, связанных со сдвигами «Тысячного года»: усиление раздробленности Западно-франкского королевства, клюнийская реформа, последующая за ней папская революция, «объячеивание» (*l'encelullement*) по Роберу Фоссе и «озамкование»

¹ Примечательно, что термин «защищенные территории» родился в нашем издании сам собой, без влияния Виктора Либермана, с его принципиально важным для нас вторым томом мы познакомились лишь по завершении работы над нашим первым изданием. Lieberman V. *Strange Parallels: Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830*. Volume 2. *Mainland Mirrors: Europe, Japan, China, South Asia, and the Islands*. (Studies in Comparative World History.) New York: Cambridge University Press, 2009.

(*l'incastellamento*) по Пьеру Туберу. Эти процессы закрепили политический партикуляризм, сделали невозможным усиление старой или складывание новой общеевропейской Империи. Конечно, особенности европейской культуры и система ценностных ориентаций также были важны. «Культура имеет значение» – так в переводе назывался ставший классическим сборник под редакцией Харрисона и Хантингдона¹. В этом смысле Запад дает прекрасный пример регулирования численности элиты. Краеугольным камнем наблюдений современных последователей Ибн-Хальдуна являются опережающие темпы роста численности элиты по отношению к основной массе населения. Но речь идет об обществах, где для элиты была свойственна полигамия и как следствие – большое число детей (несколько десятков сыновей для китайского императора были делом привычным, а марокканский султан Мулай Исмаил произвел на свет свыше 800 одних только сыновей). Установление целибата в Европе, достаточно строгая моногамия, принципы привилегированного наследования, имеющие тенденции к майорату, снимали эту проблему.

Конечно, удаленность от Великой Степи и историческое везение сами по себе не были причиной «Европейского чуда», но они сделали его возможным. Вспоминается фраза, приписываемая Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому: «Отсутствие у вас судимости – это не ваша заслуга, а наша недоработка».

С тех пор динамика развития Запада отличалась от остальных регионов тем, что период подъема не сменялся периодом упадка. Феодализм в «узком» (политико-юридическом) значении, совместившись с феодализмом в «широком» (экономическом) смысле, создал вполне благоприятные условия для развития хозяйства. С точки зрения советского марксизма – феодализм в «широком» смысле (сочетание крупной земельной собственности с мелким крестьянским землепользованием) – универсальная черта всякой средневековой экономики. Это сомнительный тезис, однако аналогии держаниям земли за службу (часто речь шла о праве взимать доходы в свою пользу с определенной территории) как форма землевладения встречались и в Китае, и в Индии, и в арабских странах, в тюркских и в славянских землях. Чаще всего не они являлись мотором экономики², что вполне понятно, ведь благосостояние

¹ Culture Matters: How Values Shape Human Progress/eds. Harrison, Lawrence E., and Samuel Huntington. New York: Basic Books. 2001.

² В странах Дальнего Востока хозяйственные инновации часто свергались в хозяйствах буддийских монастырей, вкладывавших немалые средства в подаренные им земли,

какого-нибудь *иктадара* зависело от благосклонности правителя. Поэтому центром приложения всех сил и надежд такого условного землевладельца был двор султана, эмира, хана, раджи, князя, императора. Если землевладелец в фаворе – он получит новые земли, если нет, то лишится старых земель, а то и головы. На Западе в период XI–XIII веков представители «верховой» власти, как правило, не обладали ни фондами новых земель, ни возможностью свободно перераспределять старые. Землевладельцу-сеньору приходилось рассчитывать на то, что он имеет, заключать писанные или неписанные договоры с крестьянами, искать новые пути для повышения доходности своих земель, договариваться с окружающими. Отсюда и удивительная динамика развития «феодального общества», общества по определению раздробленного.

Политическая раздробленность возникала не только в Европе, но политическая фрагментация, как правило, благотворная для развития экономики и культуры, превращала страну в легкую добычу завоевателей. Заключительная глава тома названа «Роскошь феодализма». И Запад мог себе эту роскошь позволить. Укрепление центральной власти, рост мощи государства здесь, конечно, будет, но лишь после того, как сложились сильные социальные институты (от коллеганцы, нотариата и страхового права до университетских корпораций и городских коммун). Власть не давила их «асфальтовым катком», но вынуждена была вступать с ними в диалог. Политический плюрализм не давал остановить прогресс. Так, например, если бы король европейской страны внял призывам защитников рыцарства и старины и запретил огнестрельное оружие, как это сделал Токугава Иэмицу, то он был бы разбит своими менее щепетильными соседями. Когда король слишком ретиво начинал рубить головы банкирам или просто отбирать у них деньги, нажитые несправедливым трудом, он рисковал остаться без денег, а следовательно, и без войска. Примеры можно приводить до бесконечности.

Возникновение и беспрепятственное развитие институтов на Западе до того, как сложились сильные государства (какой бы смысл ни вкладывать в это слово) – не общеисторическая закономерность, а историческая аномалия, возведенная затем в принцип.

угроза отчуждений которых была неочевидной. В ареале действия мусульманского права урожайность существенно выше средней была характерна на вакуфных землях, переданных в неотчуждаемое управление мечетям, медресе, больницам. Понимание того, что земля находится в долговременной собственности владельца, поощряло к заботливому к ней отношению.

Но это становится очевидным, лишь если выйти за пределы одного региона. Уже ради одного этого стоило браться за «Всемирную историю»¹.

Через семь лет вышло второе издание, исправленное и дополненное. Его действительно удалось сделать исправленным. Пришлось приложить немало усилий, чтобы устранить последствия той жуткой спешки, в которой выпускался том в начале 2012 года. Тексты основательно отредактировали, уменьшили путаницу и закрыли лакуны в библиографии и в указателях, хронологической таблице. Заменяли ряд иллюстраций. Особенно много хлопот доставила практически полная переработка карт. Дополнения также вполне очевидны – том увеличился на сто страниц. Полностью заменили главу по доколумбовой Америке и три главы по истории Византии. Появилась новая глава, посвященная империи Юань (в предыдущем издании этот материал был распределен между рассказом о Монгольской империи и ее улусах и главой о династии Мин).

Изменилось и название. Если в издании 2012 года том именовался «Средневековые цивилизации Запада и Востока», то теперь проще – «Мир в Средние века». Первый вариант возник исключительно как попытка выбиться из монотонного ряда наименований других томов: «Древний Мир», «Мир в Раннее Новое время», «Мир в XVIII веке» и т. д. Но попытку следует признать неудачной. Мы как-то не учли, что вполне очевидное название сразу отсылает к цивилизационному подходу, столь популярному в нашей стране лет двадцать-тридцать назад. Тогда в нем видели замену марксизму, и завышенные ожидания сразу же возвели его в статус научного метода, создав массу адептов, придерживавшихся различных толкований термина «цивилизации», пытавшихся конструировать строгие классификации. Поскольку мы не давали точного определения цивилизаций, причем даже не занимались их подсчетом, то сразу же подставлялись под огонь критики. Пришлось отказать от оригинальности ради того, чтобы избежать наклейки методологического ярлыка.

По этой же причине в обобщающих главах во втором издании я реже стал использовать термин «средневековая Мир-Система». Ничего не имею против Мир-Системного подхода, да и опре-

¹ Всемирная история: В 6 т./гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2011–2018. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока/отв. ред. П. Ю. Уваров. 2012.

деление понятия «Мир-Система» в нашем томе появилось. Этот подход, на мой взгляд, наиболее удобен для изучения взаимного влияния различных регионов (чуть было не назвал их по привычке «цивилизациями»). Но, во-первых, далеко не все авторы нашего коллективного труда придерживаются именно этого подхода, а во-вторых, между самими «мирсистемщиками» ведутся споры о том, что именно считать «Мир-Системами» и когда они (или она) возникают? А разброс мнений здесь солидный – одни говорят, что не ранее XX века, Иммануил Валлерстайн полагает, что она складывается в период Великих географических открытий, но другие отодвигают ее начало в эпоху Неолитической революции. Поэтому, не отказываясь от «Мир-Системы», я чаще стал использовать более нейтральный и менее определенный термин «Ойкумена Средневековья». В целом не хотелось быть причисленным к числу убежденных последователей некоего универсального метода. Метод – это не «наше все», а полезный инструмент, лежащий на верстаке историка, не более того. То же можно сказать и о политической антропологии, чьи подходы активно применялись в нашем томе. Некоторые назовут такую позицию методологической эклектикой, но я предпочитаю в духе Рэндала Коллинза говорить о кумулятивном накоплении способов объяснения социального мира.

Между двумя изданиями нашего тома есть еще одно отличие, поистине эпохального значения. Парадоксально, но факт – человек, не знакомый с кириллическим алфавитом, был лишен возможности оценить то, о чем говорилось в увесистых томах «Всемирной истории», – там не было ни английского контртитла, ни Summary. Когда начиналось это издание, академическое руководство как-то не подумало об этом. А зачем? Ведь в советской десятилетней «Всемирке» этого не было, ну и у нас не будет.

Не хотелось бы считать, что погром Академии, учиненный в 2013 году, или «Скопусобесие» последующих годов имели и свою позитивную сторону. Лучше отнесем сдвиги за счет изменения общего духа времени. Как бы то ни было, в нашем новом томе появился и английский контртитул, и перевод «Содержания» на трех страницах. Теперь хоть понять можно, о чем идет речь в томе и какова его структура. Английская аннотация, конечно, очень краткая, но насколько большей она должна быть, чтобы познакомить с основными идеями, заложенными в наше издание?

Новое наше начальство поговаривало даже об издании английского дайджеста, призванного донести до иностранного читателя достижения российских историков. Идея была одобрена на высочайшем уровне. Но, как и следовало ожидать, в итоге решили ограничиться лишь историей XX века.

Как и во времена моей научной молодости, изучаемая нами эпоха сочтена неактуальной. Это ничего. Главное ведь в том, что авторы обеих книг, почти одновременно явившихся на свет в Шубинском переулке в конце прошлого года, понимают, что занимаются самой что ни на есть актуальной темой.

Pavel Uvarov

Medieval hartland (about the features of the historical dynamics of the medieval world)

At the end of 2019, a new, revised and enlarged edition of «World History in 6 Volumes» was published. The article introduces the second volume of this edition, dedicated to the Middle Ages. Synchronization of socio-economic, political and cultural processes that took place in various regions of Asia, Europe and Africa, allows us to see in the variety of regional differences a certain unity of the medieval World-System or the medieval *Oecumene*. In comparison with similar publications of this type, the project under consideration is distinguished by special attention to the problems of coexistence of sedentary and nomadic peoples, on which the paths of the formation and development of medieval states, the fate of old and new empires, nomadic khaganates, caliphates, kingdoms and principalities largely depended. The «European miracle», of course, remains in the spotlight, but gets a new explanation.

Political particularism or pluralism, combined with a certain stable cultural unity of the region, created favorable conditions for the development of the West. The most important social and legal institutions arose and became stronger here before strong states were created. The rise of Europe took place not in spite of, but thanks to feudalism. Feudalism was a kind of luxury that few people in the whole *Oecumene* could afford. To understand the nature of the «European exclusion» it is worth taking a look at his Heartland of Eurasia, where nomadic empires arose, entering into ambiguous relations with their settled neighbors.

Key words: World history, synchronization of historical processes, historical dynamics, medieval World-system, historical dynamics, nomadic empires, Heartland, feudalism, «European miracle».